

П.В. Гращенков, М.Б. Ермолаева

О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ТЮРКСКИХ КОНВЕРБОВ

Тюркские деепричастные формы на *-p* являются одним из стандартных средств, используемых для образования сложных предикаций. В работе рассматриваются особенности синтаксической связи, кодируемой конвербом – тюркским аналогом деепричастия. На материале казахского и киргизского языков показано, что тюркские конвербы на *-p* могут соответствовать как подчинительным (адьюнктивным), так и сочинительным синтаксическим структурам.

Ключевые слова: тюркские языки, сложная предикация, нефинитные глагольные формы, сочинение, подчинение.

Turkic *p*-converbs serve as a regular means of constructing complex predications. The paper is concerned with properties of the syntactic relations marked by converbs – the Turkic type of gerunds. As is shown by the data of the Kazakh and Kyrgyz languages, Turkic *p*-converbs can correspond to both subordinate (adjunct) and coordinate syntactic structures.

Key words: Turkic languages, complex predication, non-finite verbs, coordination, subordination.

1. Проблема сочинения и подчинения

С точки зрения своей логической структуры все высказывания на естественном языке разделяются на термы и предикаты. Синтаксис как раздел лингвистики, исследующий правила сочетания словоформ в простой предикации и предикаций между собой, выделяет именные группы как аналог термов в естественном языке и глагольные группы / предикации как аналог предикатов в логике. Именным группам, с одной стороны, и глагольным группам / простым предикациям – с другой – присущи черты, отличающие их дистрибутивные свойства друг от друга. В частности, сочинительные и подчинительные средства в языках мира часто оказываются дополнительно распределены по двум данным типам конструкций (ср., однако, русское *и*, английское *and* и сочинительные союзы других европейских языков). В настоящей статье мы будем говорить прежде всего об особенностях синтаксической связи между глагольными группами и простыми предикациями.

Проблема разделения синтаксических отношений на сочинительные и подчинительные обсуждалась в современной лингвистической литературе многократно.

Обсуждая подчинение предикаций, Кристиан Леман противопоставляет паратаксис, т. е. сложные предикации без специального маркирования, близкие к сочинению, и вложение – наиболее явный случай подчинения, когда зависимая предикация, даже в отсутствие поверхностного маркирования, подчинена главной семантически (см. [Lehmann, 1988]). К. Леман рассматривает также грамматикализацию матричных предикатов и другие явления, снижающие степень симметричности конструкции. Несколько ниже мы подробно обсудим пример паратаксиса в тюркских языках, который мы будем считать случаем сочинения, в противопоставление вложению, которое, напротив, мы определим как подчинение.

Мартин Хаспельмат детально обсуждает типологию поверхностных средств кодирования сочинения. Приводимый им турецкий пример призван, в частности, продемонстрировать различие в формальных средствах сочинения именных и глагольных групп:

(1) турецкий [Haspelmath, 2007]

a. Hasan-la Amine
Хасан-и Амин
'Хасан и Амин'

b. Çocuk bir kasık çorba al-ır iç-er.
ребенок один ложка суп брать-и есть
'Ребенок взял ложку супа и ест.'

Как предполагает Хаспельмат, несмотря на то, что сочинение кажется универсальным типологическим свойством языка, далеко не во всех языках можно с уверенностью говорить о наличии сочинительных средств для связи предикаций. В частности, турецкий пример (1.b) выше может быть интерпретирован как конструкция с подчинением.

Говоря о подчинении предикаций, Хаспельмат, в частности, выделяет такие его свойства: i) способность к вложению; ii) возможность вопросительного выноса из зависимой предикации; iii) возможность фокусирования зависимой предикации; iv) обратная анафора из главной предикации в зависимую. Первые два свойства будут использованы нами в дальнейшем.

В классической работе [Кибрик, 1992] среди прочих критериев установления синтаксической связи между двумя единицами упоминается также морфологический, при котором «главный член предопределяет форму зависимого члена» [Кибрик, 1992: 106]. А.Е. Кибриком приводится целый список случаев, которые не подпадают под действие этого критерия. Все эти исключения, однако, для нас не актуальны: большинство из них связано с отношениями внутри простой предикации, а те, что действуют между предикациями, нерелевантны для тюркских языков. Таким образом, мы возьмем на вооружение также предложенный А.Е. Кибриком морфологический критерий.

Говоря о типе подчинительной связи, которая имеет место между матричным глаголом и зависящим от него деепричастием, мы будем иметь в виду прежде всего адьюнктивную связь. Адьюнкцией называется синтаксическая зависимость, не связанная с заполнением определенной валентности матричного слова. Адьюнкция наблюдается в отношениях между глаголом и наречием, а также между глаголом и обстоятельством, имеющими статус зависимой предикации (сентециальными сирконстантами). Случай употребления русских деепричастий – типичный случай адьюнкции одной предикации к другой. Несколько сложнее, однако, обстоит дело с тюркскими конвербами; см. [Пазельская, 2007].

2. Возможность подчинительной и сочинительной трактовки конвербов

Тюркские конвербы на *-р* являются наиболее стандартным средством маркирования сложных предикаций, соответствующим в русском языке как подчинительной (2.a), так и сочинительной (2.b), связи:

(2) мишарский (диалект татарского языка, далее сокращенно «мишарский»)

Ätälär-e kil-e-p kɯz-nɯ a-p kitä-lär.
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брат-CONV уйти-3.Pl

a. ‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку’.)

b. ‘Родители пришли и забрали девушку.’

Традиционно принято считать, что за сочинением стоят симметричные (соположенные) структуры, а за подчинением – структуры с вложением, см. [Lehmann, 1988; Haspelmath, 2007; Fabricius-Hanse, Ramm, 2007]. Это можно продемонстрировать на следующих тюркских примерах:

(3)

a. No min anda [jɯl-a-u-dan kala] bernärsä dä
 но я там плакать-ST-NMN-ABL кроме ничто и
 bel-m-ä-de-m.

знать-NEG-ST-PST-1.SG

‘Но я там кроме плача ничего же не знала.’

b. [kɯʃ ta], [jaz da], [kez dä], [ʒäj dä]
 зима и весна и осень и лето и

‘зимой, весной, осенью и летом’

В (3.a) приведен пример конструкции с номинализацией, задающей сентенциальный акт при глаголе *знать*. Номинализации, хотя и представляют собой не адьюнктивную структуру, являются бесспорным примером подчинения. Как мы видим, структура с номинализацией оказывается глубоко вложенной в структуру матрич-

ного предиката. В (3.b) представлено сочинение именных групп, образованное многократным расположением одного конъюнкта после другого.

Таким образом, для подчинения характерно вложение зависимой предикации в главную, а для сочинения – их соположение. Можно предположить, что за различными русскими переводами рассмотренного ранее примера (2) стоят разные интерпретации, каждой из которых соответствует своя синтаксическая структура: структура с вложением для подчинительного прочтения (2.a) и структура с соположением и нулевым подлежащим второй предикации для сочинительной трактовки (2.b), представленные в (2'.a) и (2'.b) соответственно:

(2') мишарский

a. Ätälär-e [kil-e-p] kʷz-nʷ a-p kitä-lär.
родители-3 прийти-ST- девушка-ACC брать-CONV уйти-3.PI
-CONV

‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку’.)

b. [Ätälär-e kil-e-p] [Ø kʷz-nʷ a-p kitä-lär.]
родители-3 прийти-ST- девушка-ACC брать-CONV уйти-3.PI
CONV

‘Родители пришли и забрали девушку.’

Главная задача, которую мы будем решать ниже, – показать валидность обеих структур для предложений с конвербами типа (2): подчинительной (адьюнктивной) структуры (a) и структуры сочинительной (b). Для этого мы выработаем некоторые критерии тестирования каждой из структур, а затем применим их к материалу тюркских языков.

3. Подчинение, сочинение и прагматическое ограничение на связь ситуаций

Конвербы могут иметь подлежащее, совпадающее с подлежащим главной предикации или отличающееся от него, см. [Haspelmath, 1995]. Тюркские конвербы, в отличие от русских деепричастий, регулярно допускают собственное подлежащее; ср. примеры (4–6) из [Гаджиева, Серебренников, 1986:152]:

(4) татарский

[Карлар őr-e-p], [агачлар бөрелән-де].
снега таять-ST-CONV, деревья набухать-PST
‘Когда снег растаял, на деревьях набухли почки.’

(5) алтайский

[Дибe кел-и-п] [кар кайыл-ды].
весна приходит-ST-CONV снег таять-PST
‘Когда пришла весна, снег растаял.’

(6) азербайджанский

[Айы мешэдэн кус-у-б], [мешэ-нин хэбэри йох].
медведь на.лес обижаться-ST-CONV, лес-GEN весть-3 нет
'Когда медведь на лес обижается, лес не знает.'

Как мы видим, разносубъектные примеры (4–6) идентичны сочинительному примеру (3.b). Во-первых, в них также наблюдается соположение. Во-вторых, простые предикации в (4–6) симметричны: в каждой из них есть собственное подлежащее, что указывает на одинаковый уровень синтаксической проекции.

Гипотетически, однако, за примерами (4–6) может стоять и подчинение двух предикаций, ср. предложенные в [Гаджиева, Серебренников, 1986] русские переводы этих примеров.

В ряде случаев носители отмечают, что предложения типа (4–6) допустимы лишь при соблюдении некоторого семантического ограничения, которое формулируется либо как условие онтологической связи субъектов (например, 'часть-целое'), либо как условие каузальных отношений между предикатами.

Так, согласно [Пазельская, Шлуинский, 2007], в мишарском разносубъектные конструкции с конвербом на *-р* в общем случае неграмматичны:

(7) мишарский

*[min kil-e-p] [zefär kit-te]
я приходит-ST-CONV Зуфар уходит-PST
Ожид.: 'Когда я пришел, Зуфар ушел'.

Разносубъектность допускается в следующих случаях. Субъект клаузы с конвербом и субъект финитной клаузы могут соотноситься как часть и целое, целое и часть, часть группы и группа и др. (для мишарского диалекта это условие было описано в [Пазельская, Шлуинский, 2007]):

(8) мишарский

?[sɔɣɣ sɔjɣɣ-lar kɔçkɣɣ-ɣ-p] [ketü jɔlga buj-ɣ-n-a kil-de]
серый корова-PL кричать-ST- стадо река к приходит-PST
CONV

'Когда серые коровы замычали, стадо подошло к реке'.

В примере (8) между субъектом клаузы с конвербом *серые коровы* и субъектом финитной клаузы *стадо* присутствует отношение «часть группы-группа», из-за чего предложение признается приемлемым некоторыми носителями языка.

Еще одна возможность – наличие причинно-следственной связи между предикациями:

(9) мишарский

[büre kil-e-p] [alsu šürlä-de]
волк приходит-ST-CONV Алсу пугаться-PST
'Пришел волк, и (поэтому) Алсу испугалась'.

Что стоит за подобными условиями и помогают ли они пролить свет на тип структуры в (4–6)? А именно – можно ли на основании ограничения на прагматическую связь ситуаций ('часть-целое', причинно-следственная связь) с уверенностью заключить, сочинительная перед нами или же подчинительная структура?

Как представляется, подобное ограничение есть и в русском языке (ср. *В огороде бузина, а в Киеве дядька*), и релевантно оно как для подчинительной (адьюнктивной), так и для сочинительной структуры. Рассмотрим следующие русские примеры:

(10) русский

- a. # *“Shocking Blue” пели “Venus”, когда Нил Армстронг ходил по Луне.*¹
- b. # *“Shocking Blue” спели “Venus”, и Нил Армстронг слетал на Луну.*

В русском примере (10.a) представлен случай подчинения, а в (10.b) – сочинения. Русский язык использует различное кодирование для адьюнкции и сочинения. Тем не менее в отсутствие информации о том, как соотносятся события, передаваемые простыми предикациями в (10), оба они представляются одинаково странными. При введении в контекст информации, связывающей отдельные события, стоящие за простыми предикациями, некорректность примеров (10) исчезает, ср.:

(11) русский

- a. *Дополнительно известно, что в 1969-м году “Shocking Blue” пели “Venus”, когда Нил Армстронг ходил по Луне.*
- b. *1969-й год: “Shocking Blue” спели “Venus” и Нил Армстронг слетал на Луну.*

Итак, мы убедились в том, что условие прагматической связанности не позволяет разграничить подчинение и сочинение: в русском языке данное условие релевантно как для адьюнкции, так и для сочинения.

4. Вложение и соположение, односубъектность и разносубъектность, PRO

Как мы предположили, за разносубъектным соположением обычно стоит сочинение. В противоположность этому односубъектное употребление характерно (но не обязательно!) для адьюнкции. Пример (12) представляет еще один случай предположительно адьюнктивного употребления – зависимая клауза с вершиной-конвербом вложена в финитное предложение:

---

¹ Значок # используется для грамматически верных предложений, неприемлемых по прагматическим причинам.

(12) мишарский

[min balaʃag-ʁm-nʁ   [sagʁn-ʁ-p]   is-kä   ala-m]
Я   детство-1.SG-ACC   тосковать-ST-   память-DAT   братъ-1.SG
CONV

‘Я вспоминаю детство и скучаю по нему...’

Сложные предложения типа (12), где субъект обоих клауз совпадает и структура с конвербом вложена в матричную предикацию, мы будем считать характерным примером адьюнкции зависимой предикации к главной.

Скажем несколько слов о типе нулевого подлежащего вложенных предикаций. Невыраженный субъект русского деепричастия или инфинитива в генеративной теории универсальной грамматики представляется в виде особой нулевой синтаксической единицы, так называемого большого PRO² (ниже записываемого как Ø):

(13) русский

a. *Петя_i встал, чтобы Ø_{i,*k} / *он налить чаю.*

b. *Петя_i встал, Ø_{i,*k} / *он налив чаю.*

Примеры в (13) демонстрируют неграмматичность двух структур: i) варианта с фонологически выраженным местоимением *он*, и ii) варианта с кореферентностью нуля не субъекту главной предикации, а другому лицу. Невозможность независимого (от главного предложения) употребления говорит о том, что перед нами большое PRO, см. [Тестелец, 2001: 287–310].

Предположительно, так же должны вести себя подчиненные структуры с конвербом в тюркских языках; субъект таких клауз должен быть: i) нулевым, ii) строго зависимым от главной предикации.

Действительно, наиболее подходящий кандидат на подчинение – вложенный конверб с фонологически не выраженным подлежащим – допускает только прочтение с кореферентностью субъекту главной предикации:

(14) киргизский

Мен   жат-ы-п   кел-е-м.
Я   лежать-ST-CONV   приходитъ-ST-1.SG

i) ‘Полежав, я пришел.’

ii) *‘Я пришел, когда кто-то другой по/лежал.’

Итак, адьюнктивные структуры (2'.a) и (12) предположительно характеризуются односубъектностью, вложением и наличием большого PRO. Если наша гипотеза верна, структура (2'.a) будет

---

² Большое PRO наряду с малым pro представляют собой два типа нулевых подлежащих. Большое PRO отличается от малого pro тем, что всегда бывает невыраженным. Характерные контексты употребления большого PRO в русском – инфинитивные предложения, всегда лишенные подлежащего, в то время как малое pro представлено в финитных предложениях, лишенных фонологически выраженного субъекта, см. [Тестелец, 2001: 287–310].

обладать свойствами, стоящими обычно за адьюнкцией, и отличаться этим от сочинительных структур (2'.b) и (4–6), для которых характерны разносубъектность и соположение. Ниже мы обсудим диагностические контексты, позволяющие различать подчинение и сочинение, и применим их к материалу тюркских языков. После этого мы несколько более подробно исследуем свойства нулевых подлежащих вложенных конвербов с тем, чтобы показать, что перед нами действительно PRO.

5. Критерии разграничения адьюнкции и сочинения

5.1. Морфологический критерий

Как уже было сказано, морфологический критерий традиционно используется для разграничения сочинения и подчинения, см, например, [Тестелец, 2001:255–266]. На русском материале его можно продемонстрировать следующим образом:

(15) русский

- a. *Петя возвращался домой, когда Маша пошла в магазин.*
- b. *Петя возвращался домой, и Маша пошла в магазин.*

(16) русский

- a. *известие о Петинем возвращении домой, когда Маша пошла в магазин*
- b. **известие о Петинем возвращении домой и Маша пошла в магазин*

В (15) представлены случаи сентенциального конъюнкта (15.a), и сочинения, (15.b) в русском языке. В контексте, требующем определенного морфологического маркирования, например, предлога *о* и творительного падежа, адьюнктивная структура сохраняет грамматичность, а сочинительная становится неприемлемой (16).

В приложении к тюркским клаузам с конвербами применение данного критерия выглядело бы следующим образом. Поместим всю сложную предикацию в контекст некоторого общего матричного предиката, требующего от своих зависимых, скажем, морфологической формы *-M*. Тогда, если глагол в форме конверба будет сохранять конвербиальное маркирование (17.a), перед нами подчинительная структура (2'.a). Если же маркирование конвербом станет неграмматично – перед нами сочинительная структура (2'.b):

(17)

- a. $[_{CP} [_{CP}] -p] -M$
- b. $*[_{CP} [_{CP}] -p [_{CP}]] -M$

Возможное препятствие для применения морфологического критерия представляет так называемая групповая флексия. Такой подход к анализу показателя конверба *-p* состоит в том, чтобы считать данный показатель сочинительным, при этом таким, что морфологическое маркирование возможно лишь на вершине всего сложного

предложения, см. [Гращенков, 2011]. В русском примере (15) такой вершиной будет глагол *возвращаться*. Глубинному представлению (18) соответствует поверхностная реализация (18’):

(18) [XP [XP]-M & [XP]-M]

(18’) [XP [XP]=M & [XP]=M]-M

Именно так ведут себя показатели сочинения в тюркских именных группах. В примере (19) два сочиненных вершинных имени интерпретируются как располагающие грамматической информацией о числе (PL) и лице (3), хотя эта информация выражается лишь однажды (второй вершиной):

(19) мишарский

agaç-nıŋ	[_{DP} [_{DP} tamɣr]	xäm	[_{DP} bɣtak]]	-lar-ɣ
дерево-Gen	корень	&	ветка	-PL-3

‘ветки и корни дерева’

Возможен ли аналогичный анализ конвербиального маркера *-p*? Действительно, в тюркских языках вполне допустимо (немаркированное) сочинение финитных предикаций:

(20) татарский [Закиев et al., 1993. Т. 3: 367]

Мин	ничек	кенә	тырыш-м-ый-м,
я	как	только	стараться-NEG-ST-1.SG
ул	барыбер	үзенекен	итә-Ø
он	все.равно	по-своему	делать-3SG

‘Как я ни стараюсь, он все делает по-своему.’

(21) казахский (Интернет)

біз бүгінгі	түнді бірге	өткіз-і-п	е-ді-к,
мы сегодняшний	ночь вместе	проводить-	быть-PAST-1.PL
		ST-CONV	

мен сосын тан-ы-ды-м...

я после.того узнавать-ST-PAST-1.SG

‘Она этой ночью лежала в моих объятиях, и я, конечно, ее узнал.’

Однако, если допустить, что употребление конвербиального показателя *-p* предполагает редукцию морфологии на первом конъюнкте, сложно будет объяснить примеры типа (22):

(22) татарский [Закиев et al., 1993. Т. 3: 361]

Син	ярдем	ит-ә-п	тә,	
ты	помощь	делать-ST-CONV	только	
әллә	ни	алга	кит-ә	ал-ма-дык.
но	сколько	вперед	уходить-ST	брать-NEG-1.PL

‘Особо не продвинулись вперед, хотя ты и помогал.’

В (22) подлежащие, а следовательно, и лично-числовые показатели на глаголах, имеют различное значение лица и числа. Значит, анализ *-p* как сочинительного средства, предполагающего использование групповой флексии, некорректен.

5.2. Способность к экстрапозиции

Еще один способ определения типа структуры, стоящей за тюркскими конвербами, – так называемое A'-передвижение из (предполагаемой) главной клаузы. Некоторые синтаксические операции, такие, например, как образование вопроса или топикализация, чувствительны к типу структуры, к которой они применяются. Структуры, из которых нельзя выдвигать элементы посредством образования вопроса, топикализации или другой операции, называются островами, см. [Ross, 1967].

Обе исследуемые здесь структуры принадлежат к островам: подчиненная структура связана с так называемым адьюнктивным островом, в то время как случай сочиненная – с сочинительным островом. Данное свойство можно продемонстрировать на следующих русских примерах:

(23) русский

- a. *Петя пришел домой, когда Маша выходила с работы.*
- b. **Откуда Петя пришел домой, когда Маша выходила?*

(24) русский

- a. *Петя пришел домой и Маша вышла с работы.*
- b. **Откуда Петя пришел домой и Маша вышла?*

В данных примерах случаи (a) соответствуют исходным предложениям, в то время как случаи (b) – конструкциям с вопросительным выносом. Оба примера (b) неграмматичны: в первом случае мы пытаемся вынести обстоятельство места из адьюнктивного острова, а во втором – из сочинительного. Очевидно, чтобы появился контраст между адьюнкцией и сочинением, экстрапозицию надо осуществлять не из вложенной, а из главной клаузы; сочинение (как симметричная структура, где, строго говоря, обе клаузы равноправны) тогда будет по-прежнему неприемлемо, а подчинение станет грамматично:

(23) русский

- c. *Куда Петя пришел, когда Маша выходила с работы?*

(24) русский

- c. **Куда Петя пришел и Маша вышла с работы?*

Таким образом, в качестве теста на экстрапозицию мы будем использовать вынос синтаксического материала из главной клаузы.

Надо заметить, что в тюркских языках вопросительный вынос факультативен – обычное построение вопроса предполагает расположение вопросительного слова *in situ*:

(25) казахский

Нұрлан	кімді	өлтірді?
Нурлан	кого	убил

‘Кого Нурлан убил?’

Структуры с препозицией вопросительного слова при этом также грамматичны:

(26) казахский

Кімді Нұрлан өлтірді?

кого Нурлан убил

‘Кого Нурлан убил?’

За примером (26) стоят сразу два процесса: образование вопроса и топикализация. Каждый из них обычно используется для определения островных свойств некоторой структуры. Обнаруженный нами контраст проявился именно на примерах типа (26), где есть и вопрос, и топикализация, поэтому в дальнейшем мы будем использовать именно их.

6. Результаты применения тестов

В качестве исходных примеров были взяты следующие предложения:

(27) казахский

Нұрлан кел-і-п Руслан қасқыр өлтір-ді.

Нурлан приходит-ST-CONV Руслан волк убивать-PST

‘Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

(28) казахский

Нұрлан мылтықпен қасқыр көр-і-п өлтір-ді.

Нурлан из.ружья волк видеть-ST-CONV убивать-PST

‘Нурлан, увидев, убил волка из ружья.’

Пример (27) соответствует разносубъектному соположению, т. е., гипотетическому сочинению, а (28) – односубъектному вложению, т. е. гипотетическому подчинению. К этим и другим похожим примерам были применены тесты на морфологию и экстрапозицию, для которых был собран материал казахского и киргизского языков. В результате наблюдался не всегда сильный (с точки зрения различий в оценке предложений), но вполне систематический контраст между примерами первого и второго типа.

6.1. Морфологический критерий

В контексте общего матричного глагола казахские разносубъектные предложения с соположением оказываются неграмматичными. В то же время односубъектные предикации с вложением оцениваются как приемлемые:

(29) казахский

^{??}Нұрлан кел-і-п,

Нурлан приходит-ST-CONV

Руслан қасқыр өлтір-ген-і-ң білем.

Руслан волк убивать-PFCT-3-ACC знаю

‘Я знаю, что Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

(30) казахский

Нұрлан қасқырды көр-і-п (оны) өлтір-ген-і-ң білем.
Нурлан волк.АСС видеть-ST-CONV (его) убивать-PFCT- знаю
3-АСС

Я знаю, что Нурлан, увидев, убил волка.

Тот же контраст находим и в киргизском:

(31) киргизский

^{?(?)}Нурлан кел-и-п Руслан карышкырды
Нурлан приходит-ST-CONV Руслан волк.АСС
өлтүр-гөн-ү-н билем.
убивать-PFCT-3-АСС знаю

‘Я знаю, что Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

(32) киргизский

Нурлан карышкырды жолуг-у-п өлтүр-гөн-үн
Нурлан волк.АСС встретить-ST-CONV убивать-PFCT-3-АСС
билем
знаю

‘Я знаю, что Нурлан, встретив, убил волка’.

Иногда для случаев соположения, т. е. потенциально сочинительных структур, носители языка предлагают грамматичный вариант с дублированием показателей на обеих зависимых предикациях:

(33) казахский

Нұрлан кел-ген-і-ң,
Нурлан приходит-PFCT-3-АСС
(ал) Руслан қасқыр өлтір-ген-і-ң білем.

(а) Руслан волк убивать-PFCT-3-АСС знаю
‘Я знаю, что Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

Именно таково ожидаемое поведение сочинительных конструкций, ср. русские примеры ниже, где обе глагольных формы принимают вид имени действия:

(34) русский

- a. *известие о Петинoм возвращении домой и Машином походе в магазин*
- b. *новость об избрании президента и выдвижении кандидата в премьеры*

6.2. Способность к экстрапозиции

При экстрапозиции материала из главной клаузы предположительно сочинительные структуры также оказываются менее грамматичными, чем предположительно адьюнктивные:

(35) казахский

^{??}Кімді Нұрлан кел-і-п Руслан өлтір-ді?
кого Нурлан приходит-ST-CONV Руслан убивать-PST
‘Кого, когда Нурлан пришел, Руслан убил?’

(36) казахский

Кімді Нұрлан кел-і-п өлтір-ді?
кого Нурлан приходит-ST-CONV убивать-PST
'Кого Нурлан, придя, убил?'

Киргизские носители демонстрируют несколько более явный контраст:

(37) киргизский

*Кимди Нурлан кел-и-п Руслан өлтүр-дү?
кого Нурлан приходит-ST-CONV Руслан убивать-PST
'Кого, когда Нурлан пришел, Руслан убил?'

(38) киргизский

Кимди Нурлан кел-и-п өлтүр-дү?
кого Нурлан приходит-ST-CONV убивать-PST
'Кого Нурлан, придя, убил?'

Представим результаты применения тестов в следующей таблице:

(39)

	Морфологический критерий	Экстрапозиция
Разносубъектность, соположение	??/?	??/*
Односубъектность, вложение	ok	?/ok

7. Прямое (strict) и переменное (sloppy) прочтение

В теоретической литературе по синтаксису принято различать так называемое прямое и переменное прочтение (strict / sloppy reading) при эллипсисе, см. [Hornstein, 1999] и приведенные там ссылки.

(40) английский [Hornstein, 1999: 73]

John expects PRO to win and Bill does too.

- i) *‘Джон надеется победить и Билл тоже (надеется, что Джон победит).’
- ii) ‘Джон надеется победить и Билл тоже (надеется, что он, Билл, победит).’

В английском примере (40) представлены две его возможных трактовки. В соответствии с первой, составляющая, стоящая за английским *does too*, предполагает прочтение ‘Билл тоже надеется, что Джон победит’ – это прямое (strict) прочтение. Вторая трактовка предполагает понимание *does too* как ‘Билл тоже надеется, что он, Билл, победит’ – это переменное (sloppy) прочтение. Как видно из нотации, случаи большого PRO предполагают только переменное прочтение.

Киргизские и казахские примеры с вложением, которые мы определили как кандидаты в подчинение, проявляют склонность к переменному прочтению. В (41–42) допустимо только переменное

прочтение, т. е. нулевая единица в позиции подлежащего конверба представляет собой большое PRO:

(41) казахский

Нұрлан кел-і-п қасқыр көр-ді,
Нурлан приходит-ST-CONV волк видеть-PST
Руслан да солай істе-ді.

Руслан и так делать-PST

- i) *‘Когда Нурлан пришел, он увидел волка, и Руслан тоже (когда Нурлан пришел, увидел волка).’
- ii) ‘Когда Нурлан пришел, он увидел волка, и Руслан тоже (когда пришел, увидел волка).’

(42) киргизский

Нурлан кел-и-п карышкырды көр-дү
Нурлан приходит-ST-CONV волк.ACC видеть-PST
жана руслан да ошондой бол-ду
и Руслан также так быть-PST

- i) *‘Придя, Нурлан увидел волка, и Руслан тоже так сделал (когда Нурлан пришел, увидел волка).’
- ii) ‘Придя, Нурлан увидел волка, и Руслан тоже так сделал (пришел и увидел волка).’

Как мы видим, вложенные односубъектные структуры последовательно выбирают переменное прочтение (и не выбирают прямое). Это наблюдение согласуется с предложенным нами анализом, при котором они образуют адьюнктивную структуру с большим PRO, зависимым от матричного субъекта.

8. Заключение

Наша исходная гипотеза состояла в том, что за тюркскими *p*-конвербами стоят (как минимум) две синтаксические структуры: адьюнктивная и сочинительная. Наилучшим кандидатом в адьюнктивные клаузы, как мы предположили, является предложение со вложенной односубъектной предикацией. Наилучшим кандидатом в сочинительные структуры является предложение с соположенной разносубъектной клаузой. Морфологический критерий и тест на экстрапозицию подтвердили исходную гипотезу. Для адьюнкции также нашлось свидетельство из области свойств нулевых единиц: нуль в таких структурах действительно проявляет свойства большого PRO, что говорит о подчинении.

Для определения типа синтаксической связи были выбраны простые предикации. На материале простых предикаций мы показали, что тюркский конвербиальный маркер *-p* может кодировать и адьюнкцию, и сочинение. Как представляется, эта двойственная природа конвербов на *-p* может быть распространена и на другие уровни проекций глагола, например, на глагольные группы.

Список литературы

- Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
- Граценков П.В.* Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4 (26). С. 182–185.
- Закиев М.З., Ганиев Ф.А., Зинатулина К.З.* (ред.) Татарская грамматика: В 3 т. Казань, 1993.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Пазельская А.Г.* Проблема сочинения и подчинения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Ред. К.И. Казенин, Е.А. Лютикова, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов. Казань, 2007.
- Пазельская А.Г., Шушинский А.Б.* Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Ред. К.И. Казенин, Е.А. Лютикова, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов. Казань, 2007.
- Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Fabricius-Hansen C., Ramm W.* Editor's introduction: Subordination and coordination from different perspectives // Subordination versus Coordination in Sentence and Text – from a cross-linguistic perspective / Eds. C. Fabricius-Hansen and W. Ramm. John Benjamins, 2007.
- Haspelmath M.* Coordination // Language typology and syntactic description, vol. II: Complex constructions. 2nd ed. / Ed. T. Shopen. Cambridge, 2007. 1–51.
- Hornstein N.* Movement and Control // Linguistic Inquiry. 1999. Vol. 30. No. 1. 69–96.
- Lehmann C.* Towards a typology of clause linkage // Clause Combining in Grammar and Discourse / Eds. John Haiman & Sandra D. Thompson. Amsterdam, 1988. 181–226.
- Ross J.R.* Constraints on Variables in Syntax. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967.

Сведения об авторах: *Граценков Павел Валерьевич*, канд. филол. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pavel.gra@gmail.com; *Ермолаева Марина Борисовна*, студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: marinkaermolaeva@gmail.com